

**БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СБОРНИК ЭССЕ
К 60-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ВОРОНКОВА / ПОД РЕД.
О. ПАЧЕНКОВА, М. СОКОЛОВА, Е. ЧИКАДЗЕ. СПб.:
ЦНСИ, 2005.**

Жанр рецензии предъявляет к своему автору, по меньшей мере, два требования: во-первых, включить в текст ряд структурных компонентов — краткое описание рецензируемого издания, перечисление его несомненных достоинств и не менее очевидных упущений; во-вторых, обеспечить некое соответствие стилистики и тональности двух текстов — рецензии и ее «первоосновы». Иными словами, фривольные интонации покажутся неуместными в рецензии на солидное академическое издание. В представлении сборника зарисовок, каким является «Беспредельная социология», будут неуместными чрезмерно сложный понятийный аппарат и концептуальные выкладки. Речь пойдет скорее о личных впечатлениях отягощенного собственным профессиональным и личным опытом читателя.

Итак, перед нами сборник эссе, который состоит из описания своего «рождения из духа удовольствия» (аналога введения), трех тематических разделов и подборки фотографий, «дух удовольствия» наглядно иллюстрирующей. Первый раздел «Бес в ребро» (подразумевается «ребро» конкретно Виктора Воронкова) состоит из двух статей и постскриптума-комментария к одной из них. Эссе Е. Здравомысловой «Гегемонная маскулинность» представляет собой транскрипт биографического интервью с юбиляром «в орнаменте» комментариев его жены, позволяющих увидеть в рассказчике одного из лучших представителей «цивилизованного» патриархально-патерналистского отношения к женщине, детям и сотрудникам. В эссе «Номо collector, или возникновение ЦНСИ из страсти к собирательству» И. Освальд связывает факт создания Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) и его нынешнее обрастание филиалами со страстной увлеченностью В. Воронкова коллекционированием — занятием для психического здоровья юбиляра, неудержимо стремящегося к совершенству, безобидным и в целом крайне результативным. История ЦНСИ рассматривается не столько в своих «материальном» и институциональном аспектах, сколько как коллекционирование знаний, идей, книг и людей. Критериями создания этой коллекции стали независимость, научно-исследовательская деятельность, качественный подход. Постскриптум О. Паченкова к очерку И. Освальд подтверждает факт рождения ЦНСИ из проекта коллекции одного человека, который, несмотря на категоричное отрицание методов классификации и традиционных властных отношений, не смог избежать ни того, ни другого во взаимоотношениях

с «предметами собирания» (сотрудниками) просто потому, что такие (методы и отношения) неизбежны.

Второй раздел сборника — «Низменная социология» — уже в самом названии содержит указание на дистанцирование от «высокой» социологической теории и включает несколько социологических зарисовок на темы, далекие от традиционного социологического дискурса. В эссе О. Паченкова «Нужда большая и малая: отправление “естественных потребностей” как объект социологического анализа» представлены результаты аналитической «игры» с совокупностью обозначенных выше практик в антропологической, социокультурной и этнометодологической перспективах. Автор использует аналитическую схему, предложенную П. Бурдьё в изучении фотографии: способы удовлетворения «естественных потребностей» рассматриваются как социальный факт, который маркирует групповую идентичность и границы внутри стратификационной картины общества. Выбор объекта анализа явно демонстрирует «беспредельность» социологии, которая буквально «выпрыгивает» из своего дисциплинарного дискурса и покушается на предмет изучения дискурса медицинского или анатомического. Безусловно, подобный выбор детерминирован теоретико-методологическими предпочтениями и исследовательским опытом социолога, однако сама проблематичность работы с нетипичным для заданного дисциплинарного дискурса объектом не нова. Скажем, ранее под вопрос ставилась легитимность изучения «высоких», привилегированных социальных кругов и практик [5], сегодня и всегда сомнения вызывают «низменные» объекты анализа: ключевая причина их табуированности состоит в нарушении ими правила молчания о чем-то недоступном для большинства в первом случае, и о том, что смущает — во втором. Многие наблюдения автора бесспорны и очевидны (феномен «престижного потребления», конкурентная борьба за потребителя с помощью рекламы), но некоторые выглядят надуманными (вмешательство государства, создание «воображаемых сообществ», гендерное измерение) — невольно кажется, что в рассматриваемой сфере все как-то проще устроено и не требует столь «глубокого» анализа. Последний смущает не меньше, чем открытое обсуждение в обществе приватной практики отправления «естественных потребностей». Кроме того, не только «социолог при пристальном наблюдении», но любой житель российского мегаполиса, который выезжал в сельскую глубинку или за границу, может увидеть, насколько различаются подобные практики. Очерк Е. Чикадзе «Еще немного об отпращивании естественных потребностей» совершенно разумно «снижает» планку представленного выше социологического анализа, объясняя, что ряд обозначенных автором социальных маркеров — не что иное, как сохранившееся наследие советского товарного дефицита.

Эссе М. Соколова «Пьянка: исследование социального производства опыта не-идентичности» — одно из наиболее симпатичных в сборнике: во-первых, поскольку тема имеет давнюю историю изучения, автор хорошо разводит предмет собственного социологического («социально-патологический» подход) и социально-антропологического (культурная обусловленность традиций питья) изучения пьянства. Во-вторых, автор совершенно верно отмечает социальную функцию алкоголя, влияние которой испытывает на себе большинство российских семей: у каждого человека есть целый круг знакомых людей, с которыми «нельзя не выпить», что М. Соколов квалифицирует как «стратегическое использование спиртного для сужения нейтральных полос вежливого отстранения, отделяющих одно Я от другого» (с. 87). Даже эффект «следующего утра» (воспоминания о вечернем дебоширстве и осознание нанесенного своему социальному «лицу» урона) оценивается автором весьма позитивно в контексте драматургического подхода И. Гофмана: пьянка — приключение, которое порождает опыт не-идентичности, когда, скажем, на выпускных вечерах ребята, напившись, стремятся нанести максимальный ущерб собственной репутации, расставаясь с прежней системой социального взаимодействия.

В эссе Е. Богдановой и О. Ткач «Критические заметки о “критических днях”: попытка анализа современного российского дискурса» представлен интересный антропологический очерк культурных и символических интерпретаций предмета исследования. Используя в качестве «аналитической рамки» концепцию Г. Блумера об этапах конструирования социальной проблемы, авторы перечисляют целый ряд причин превращения некогда скрытой и сугубо приватной темы в предмет широкого обсуждения (трансформация интимности и дискурса о сексуальности в современном обществе, кризис советских гендерных моделей и т. д.). Они подчеркивают роль рынка и рекламы в том, что ранее лишь иносказательно упоминаемая тема стала ежедневной потребительской рутинной с налетом западного гедонистического дискурса о теле.

Работа О. Бредниковой «Социологические прогулки по кладбищу» более всех предыдущих «привычна», поскольку составляющие ее тематические линии (радость, что прогуливающийся, в отличие от усопших, еще жив; воспроизведение норм и стратификации социальной жизни на кладбище) нередко появляются в журналистских очерках (что-то подобное не так давно можно было видеть на страницах еженедельника «Аргументы и факты»). «Беспредельность» здесь проявляется в расширении понятия социального взаимодействия на «социальные отношения» с мертвыми (похороны, ритуальные услуги, посещение кладбищ и т. д.): кладбища благоустраиваются, в первую

очередь, для живых, которые приходят сюда для общения с мертвыми; все похоронные ритуалы, по сути, — техники «вынесения мертвого за скобки обыденной жизни». Структурирование кладбищенского пространства обычно отражает локальные социальные отношения: сельское кладбище коммунально, открыто и прозрачно; кладбище провинциального города более категорично в маркировании индивидуальных пространств; в современных мегаполисах дефицит пространства определяет отсутствие огораживания, унылость и однообразность захоронений, однако здесь происходит жесткая дифференциация на престижные–непрестижные кладбища, участки и т. д. Кладбища действительно несут в себе значимую социальную информацию, но памятники, как утверждает автор, не могут визуализировать идентичность человека: они создаются после его смерти и отражают его идентификацию другими людьми, а также ряд социальных условностей. Среди других важных аспектов «социально-кладбищенской» тематики автор верно подмечает делегирование ответственности родителями, когда они умирают, своим взрослым детям; превращение ухода за могилой в борьбу за воспроизводство идентичности родства, близости; коммерциализацию похорон, что позволяет индустрии ритуальных услуг влиять на определения и представления о смерти.

В третий раздел сборника вошли зарисовки «О личном», которые отражают современную тенденцию отхода социологии от традиционного формата «стандартной научной статьи» в пользу новых жанров научного «письма», связывающих академическую работу с личным опытом, — так называемых «альтернативных вариантов научной репрезентации» [7, с. 414-417; 8, с. 30]: «нарративной поэмы» («Ожидания» З. Кутафьевой, «Корпоративная этика и дух еды: заметки по социологии потребления» Н. Золотовой), личных эссе («Хождение в коммунальную страну» Д. и М. Белоусовых, «“Их быт”, или то, о чем вы не задумываетесь» Н. Киселевой), автоэтнографий, многослойных повествований и т. д.

Безусловно, некоторое недоумение вызывает статья Т. Сафоновой «О социогенезе кошачьей личности», поскольку социогенез — прерогатива исключительно человеческая, иначе сегодня, вероятно, существовало бы два типа обществ — человеческое и кошачье. Соответственно, не может идти речи о «личности животных» (с. 133), тем более — о необходимости «пересмотра концепций социальности и роли языка». Несмотря на то, что человек привык для собственного эвристического удобства антропоморфировать все вокруг, это совершенно не означает «наличия» личности у кошек. Приводимые автором аргументы имеют под собой простые естественнонаучные объяснения: освоение пространства бродячими кошками — элемент адаптации к ареалу обитания; постоянство иерархических

отношений — способ выживания; наличие врожденного темперамента у кошек, в отличие от людей, не приводит к формированию характера; как бы этого ни хотелось автору, но «система целей» у кошек имеет инстинктивную природу, другой вопрос, что многие животные характеристики кошек в силу их крайнего одомашнивания просто теряются. Если заменить многие слова в тексте автора на их более традиционные аналоги, например, социализацию — на адаптацию, черты личности — на темперамент и т. п., то все становится на свои места. Хочется надеяться, что автор свой текст писал несерьезно, иначе содержание эссе не сможет оправдать даже очевидная безмерная любовь к кошкам (которая, кстати, по утверждению психологов, часто свидетельствует о нелюбви к людям). Кроме того, далеко не все люди, как считает автор, «обожают, боготворят и восторгаются кошками» — большинство сельских жителей их просто не замечают, а многие горожане, причем не только аллергики, их просто на дух не переносят. В этом смысле социология не была «глупа, когда игнорировала кошек» (с. 141) — просто у нее предмет изучения немного другой.

Таким образом, в центре внимания всех очерков — повседневность, которая представлена в двух аспектах: во-первых, авторы анализируют грани социальной реальности, в которой существуют жители Санкт-Петербурга; во-вторых, часть эссе авторы посвящают описанию локальной повседневности одного отдельно взятого научного предприятия, юбилею создателя и бессменного руководителя которого и посвящена рецензируемая книга. Сам факт ее появления весьма примечателен уже потому, что приятно осознавать наличие в социологии таких людей, к коим и относится Виктор Воронков, которые лично и через инициированную и поддерживаемую ими корпоративную культуру способны стимулировать такой творческий исследовательский «беспредел». Поскольку, по признаю авторов, ЦНСИ — это созданное В. Воронковым сообщество «своих», характеристики руководителя можно легко эксплицировать на весь коллектив: жизненное и профессиональное кредо — «остраннение» обыденного и заинтересованное его изучение «в каждую свободную от финансовых вопросов минуту и в несвободную тоже» (с. 6); любимый метод — провокация («гарфинкелинг»); любимое занятие — социологическое «просвещение», то есть развитие в себе и окружающих социологического «видения» и «воображения», культивация эмоционального и интеллектуального отклика.

По признанию создателей сборника, основополагающим для него стал принцип удовольствия, причем удовольствия взаимного — и авторов, и читателей, однако проблематичность книги состоит именно в том, что проговаривание ряда тем — удовольствие для многих читателей, мягко говоря, сомнительное просто потому, что они (темы)

смущают. В аннотации авторы честно предупреждают, что как тексты, так и сама идея сборника представляют собой «откровенную провокацию с элементами интеллектуального хулиганства», но одновременно рекомендуют ее всем «заинтересованным лицам без возрастных ограничений». Следующая рекомендация создателей сборника отражает ту его особенность, которая свойственна большинству текстов, — двойственность и парадоксальность: с одной стороны, авторы предупреждают, что своей работой ни на что не претендуют, а удовлетворяют личную гедонистическую потребность в подобном творчестве; с другой стороны, заявляют, что их труд противопоказан «людям без чувства юмора... нелюбопытным, скучным, занудным и неинтересным», себя к таковым не причисляя. В итоге получается интересное сочетание простоты и пафосности, которое дополняют юмористически-самоуничижительные характеристики — «с позволения сказать, автор», «самозванный со-автор», «прочие графоманы», «на наш предвзятый взгляд», «статья как злонамеренная попытка», «коварный замысел придать одиозному содержанию налет академической респектабельности».

В чем еще проявляется подобная амбивалентность сборника: хотя авторы старательно отрешиваются от традиционного строгого научного академизма, в их очерках он настойчиво заявляет о себе. В книге сосуществуют два плана повествования: серьезные концептуальные построения и ссылки на институционализированные научные теории даны в контексте описания реальных повседневных жизненных практик, обоснованность эмпирического исследования которых еще не признана, по крайней мере, в российском социологическом дискурсе. К «любимцам» сотрудников ЦНСИ явно относятся психоанализ в целом и З. Фрейд в частности, а также этнометодология Г. Гарфинкеля. Многие эссе характеризует склонность к «медицинской аналогии»: нацеленность на решение конкретной исследовательской задачи обозначается как стремление «установить диагноз»; радикальная смена идентичности узников тотальных институтов — как «моральная хирургия».

Двойственное впечатление от книги складывается и потому, что в общем и целом с построениями авторов соглашаешься, но отдельные моменты вызывают резкое неприятие. Действительно, «стремление к интеллектуальным удовольствиям (хочется изучать то, что интересно изучать, и смотреть на вещи под тем углом зрения, под которым на них приятно смотреть) часто наталкивается на требования суровой академической реальности», однако это совершенно не означает превращения очередного исследования в «процесс столь же волнующий и творческий, как штопка носков» (с. 5). Ни одно исследование, если оно *социологическое*, не может стать настолько рутинным, чтобы наскучить. Кроме того, самое интересное социологическое исследование — то, где удастся получить удовольствие (в описанном авторами

сборника смысле), одновременно выполнив все требования суровой академической реальности, то есть попытка создать «качественно-количественный интерфейс» вызывает просто-таки нездоровый научный азарт (если апеллировать к тому же Фрейду). Некоторые авторские формулировки абсолютно не воспринимаются («габитус кошачьих», «социология кошачьей личности», «социология дефекации»); другие — абсолютно нравятся: «приятнее писать для себя и замечать, что другим тоже интересно, нежели писать для других и обнаружить, что даже ты сам не получаешь от этого ровным счетом никакого удовольствия» (с. 6) (по такому принципу автор этих строк советует писать студентам курсовые и дипломные работы); иные требуют уточнения: в четверке тем, которые, по мнению авторов, «выпадают из научного мейнстрима и наносят пощечины общественному вкусу» (с. 9), две (пьянство и покойники) социально-антропологического мейнстрима никогда не покидали.

Хотя авторы всячески отнекиваются от аналитического приема классификации, считая его чрезмерно академичным для исследования дисциплинарно-нетипичных областей повседневного опыта, видимо, наличие высшего, академичного по сути и содержанию, образования, слишком сильно дисциплинирует в плане научного «письма», поскольку «классификациями» и типологиями книга буквально пестрит. Например, здесь «систематизированы» «уважаемые в ЦНСИ разновидности чувства юмора — ирония, способность смеяться над собой, легкие издевательские намеки, откровенные проверки наличия чувства юмора у собеседника/читателя» (с. 11); четко прописана последовательность шагов и подводные камни на пути страждущего квартиро-съемщика; социология потребления еды «классифицирована» по видам анализа — топография корпоративного поглощения пищи, «детективное» наблюдение за пищевым структурированием взаимодействия, прагматическая оценка норм пищевой корпоративной этики, патетические рекомендации по внедрению в круг пищевых единомышленников ЦНСИ (с. 153-159). Несмотря на настойчивое подчеркивание свободы от традиционных социологических классификаций действительности, авторы, тем не менее, не избегают определенных клише, например, используя в качестве «стоцентного критерия интеллигентности» бытовую неустроенность (сразу вспоминается Хоботов из «Покровских ворот»). Хотя таковая сегодня преследует большую часть российского населения — сам критерий напоминает «социологический миф» [2].

Безусловно, отдельные темы сборника настолько нюансно-индивидуальны, что совершенно не поддаются ни классификации, ни типизации, — например, ожидания и воспоминания о них. Здесь проще предлагать определения (ожидание — потеря времени, несбыточное ожидание — суть жизни и т. д.), хотя сводятся они все к очевидному

человеческому желанию лучшего или просто хорошего. Тем не менее, как показывает И. Освальд, в исследовательской работе невозможно избежать классификаций уже потому, что сама процедура интервьюирования заставляет социолога использовать устоявшиеся конвенциональные категории, даже если он категорически отрицает традиционные, «герметичные» классификации советской системы. Рассматривая повседневные практики, некоторые авторы проводят, по сути, полноценную структурную и факторную операционализацию понятий (например, внутренние и внешние участники, причины и последствия пьянки (с. 93). Если уж кошки «социализируются», то, очевидно, что научные сотрудники в силу полученного образования и опыта работы от налета отвергаемой академичности избавиться не могут по определению.

Следуя логике жанра рецензии, следует выделить несомненные «плюсы» и «минусы» «Беспредельной социологии». Авторы совершенно правы, что «такое», вероятнее всего, не будет опубликовано в приличном научном журнале или сборнике, тем более — вузовском учебнике. Но в этом важное преимущество сборника: его стоит прочитать студентам на старших курсах социологических факультетов, чтобы увидеть, что можно работать *иначе*, чем это показано в традиционных учебниках по прикладной социологии, что возможен *иной* тип социолога и *иной* стиль написания социологических текстов. По сути, в книге на реальных примерах описаны процедуры и результаты использования качественных методов, которые представлены очень просто, в юмористическом ключе, но с указанием их теоретико-методологических оснований, достоинств и ограничений. Так, например, включенное наблюдение жены юбиляра позволяет увидеть и проинтерпретировать скрытые темы и замалчиваемую часть приватной жизни в его биографическом нарративе, осознать проблему влияния информанта на аналитика и невозможность участвующего наблюдения сразу со всех социальных диспозиций. В статье «Гегемонная маскулинность» представлены ключевые положения биографического метода: получение автобиографии методом биографического интервью; линейная хронология изложения «истории жизни»; представление нарратива читателю в первоизданном виде с авторскими вводными комментариями и послесловием; субъективный характер интерпретаций и ситуативный — биографической работы по созданию нарративного Я; типизация автобиографии как проявления российского цивилизованного патриархата. Само интервью В. Воронкова демонстрирует особенности биографического дискурса взрослого и зрелого человека: «поколенческая» терминология, акцентирование прелести любого возраста, процессное формирование самооценки, самотипизация (недирективный руководитель, любитель женщин,

увлекающаяся натура), самокритичность, безжалостная «нарезка» собственной жизни на периоды.

Книга одновременно легко читается и хорошо «структурирует» сознание, потому что в ней на реальных примерах сбора и анализа первичной социологической информации прописаны методологические основания качественного подхода: смягчение субъект-объектных отношений с информантами и предоставление им права голоса; отказ от претензий на объективность; социально-конструктивистский и интерпретативно-антропологический взгляд на общество (с. 7); не отбрасывание случайностей, а поиск в них регулярности и симптоматичной закономерности (с. 17); полифония аналитических подходов (например, «перевод» биографического нарратива в формат теста «двадцати Я» (с. 31); отказ от принятой «иерархии легитимных объектов изучения» — антропологизация и оповседневивание предмета изучения. В качестве «китов» качественной социологии авторы сборника называют: этнографическую наблюдательность, антропологическую чувствительность, социологическое воображение и «ползучий» эмпиризм.

Представленные в сборнике тексты отличает метафоричность аналитических построений, которая согласуется с определением социологической работы как непредвзятой, но глубоко «идеологичной» в смысле наличия у исследователя специфического общего взгляда на социальную реальность [6]. Так, И. Освальд рассматривает окружающую действительность через призму коллекционирования, собирательства как социокультурной практики — с помощью этой метафоры она анализирует возникновение и ЦНСИ, и Советского Союза, и «научного коммунизма», и «перестройки».

Книга откровенно хороша тем, что в процессе чтения, помимо социологических теорий, к которым есть явные отсылки, в памяти постоянно всплывают концепции, о которых в тексте речи не идет: описание отличительных черт начинающего исследователя — «скромный, изнуренный осознанием важности своей научно-практической миссии, прыщавый, застенчивый, краснеющий и глупо хихикающий» — вызывает аналогию с зиммелевскими социальными типами («молодой ученый»); замечание, что не рефлектирующий по поводу собственной рефлексии социальный исследователь сегодня вызывает в научном сообществе «недоумение, помноженное на подозрение» (с. 10), и декларация авторов о «симпатии к рефлексии в отношении рефлексии рефлексирующих» напоминают о понятии «двойной рефлексивности» Т. Шанина, которая здесь трансформируется в «тройную». Таким образом, отмеченные авторами взаимные аллюзии к собственным текстам (общие темы — идентичность, коммерциализация социальной жизни, и общие сюжеты — неожиданные

социальные пространства и практики) имеют и более широкий диапазон отсылок.

Пока другие ученые дискутируют о мультипарадигмальном статусе социологии, сотрудники ЦНСИ, по сути, достаточно безапелляционно заявляют, что дело не в мультипарадигмальности социологического анализа в теоретико-методологическом, концептуальном плане (это уже, в дюркгеймовской терминологии, социальный факт, внешний и принудительный по отношению к любому адепту социологической науки). Дело в том, что социология в своем эмпирико-прикладном значении становится наукой беспредельной по широте захвата тематик и объектов исследовательского интереса. Отмечая традиционное понимание мультипарадигмального статуса как одновременно обладающего преимуществами (возможность рассматривать социальную реальность с разных точек зрения) и ограничениями (невозможность создать общую теорию или рационально решить вопрос выбора одной из множества теорий), А. Балог указывает на принципиально неправильную постановку вопроса выбора: сами феномены предопределяют конкретный аналитический подход [1]. Представленный сборник отражает это положение — методы работы, «аналитические рамки» и социологические констатации авторов соответствуют объектам изучения.

В словосочетании «беспредельная социология» акцент, безусловно, сделан не на родственном понятии беспредела как неодобряемого «научного» распутства, а на отсутствии ограничений в социологическом изучении повседневности. В книге также явственно прослеживается ироничная оценка современных социологических концепций, апеллирующих к понятиям технического прогресса и его влияния на общество и конкретного человека: как бы ни развивались технические возможности благоустройства человеческой жизни, никуда нам не деться от наших «естественных потребностей». В этом смысле расхожие утверждения «ничто человеческое мне не чуждо» или «что естественно — то не безобразно» не потеряют своей актуальности в силу обозначения областей опыта, значимых с исследовательской точки зрения.

По стилистике и тематике книга поднимает важную для современной социологии проблему разграничения собственно социологических текстов и художественной литературы. Это признают и сами авторы: «жанр “научной статьи” переживает не лучшие времена; в моду входят эссе и еще менее “жесткие” жанры; мягкие методы требуют мягкого письма... традиционные жанровые рамки становятся тесны». В этом плане эссе Т. Сафоновой «О социогенезе кошачьей личности», вероятно, художественная литература в большей степени, чем, скажем, последняя вышедшая в России книга Х. Мураками

«Подземка», которая состоит из отредактированных транскриптов лейтмотивных интервью жертв зариновой атаки в токийском метро в марте 1995 года [4].

Кто-то из наших преподавателей в университете любил говорить, что социология — специфическая специальность: либо к четвертому курсу у тебя сформируется навык «социологического воображения» и ты станешь социологом, либо нет — и тут уж ничего не поделаешь. Утверждая, что социологи никогда не перестанут быть социологами (с. 159), авторы сборника эту линию рассуждений, по сути, продолжают: если уж навык «социологического воображения» выработался, то от него никуда не денешься — куда ни помотришь, сразу в голову лезут социологические концепции и социокультурные объяснения любой, даже самой «низменной» повседневной практики. Если же использовать понятие «социологическое настроение» [3], то можно уверенно сказать, что сотрудников ЦНСИ отличает не только высококоразвитое «социологическое воображение», но и иронично-шутливое «социологическое настроение» в отношении предметной области социологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балог А.* Социология — мультипарадигмальная наука? // Социологические исследования. 2002. № 7.
2. *Батыгин Г.С.* Миф о социологии // Новое время. 1988. № 51.
3. *Зборовский Г.Е.* Еще раз о реальных проблемах современной социологии // Социологические исследования. 1999. № 6.
4. *Мураками Х.* Подземка / Пер. с яп. А. Замилова, Ф. Тухмановича. М.: Изд-во «Эксмо», 2006.
5. *Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М.* Отношение к объекту исследования и условия его принятия научным сообществом // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований. 1996. № 3/4.
6. *Турен А.* Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7.
7. *Richardson L.* Writing sociology // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. 2002. Vol. 2. No. 3.
8. *Suchan J.* Writing, enticity, and knowledge creation: Why I write and you should too // Journal of Business Communication. 2004. Vol. 41. No. 3.

И.В. Троцук,
кандидат социологических наук